

Джюлио

Автор:

Михаил Лермонтов

Джюлио

Михаил Юрьевич Лермонтов

Поэмы

Михаил Юрьевич Лермонтов

Джюлио

(Повесть. 1830 год.)

Вступление

Осенний день тихонько угасал

На высоте гранитных шведских скал.

Туман облек поверхности озер,

Так что едва заметить мог бы взор

Бегущий белый парус рыбака.

Я выходил тогда из рудника,

Где золото, земных трудов предмет,

Там люди достают уж много лет;

Здесь обратились страсти все в одну,
И вечный стук тревожит тишину;
Между столпов гранитных и аркад
Блестит огонь трепещущих лампад,
Как мысль в уме, подавленном тоской,
Кидая свет бессильный и пустой!..

Но если очи, в бесприветной мгле
Угасшие, морщины на челе,
Но если бледный вялый цвет ланит
И равнодушный молчаливый вид,
Но если вздох, потерянный в тиши,
Являют грусть глубокую души, —
О! не завидуйте судьбе такой.
Печальна жизнь в могиле золотой.
Поверьте мне, немногие из них
Могли собрать плоды трудов своих.

Не нахожу достаточных речей,
Чтоб описать восторг души моей,
Когда я вновь взглянул на небеса,
И освежила голову роса.

Тянулись цепью острые скалы
Передо мной; пустынные орлы
Носилися, крича средь высоты.
Я зрел вдали кудрявые кусты

У озера спокойных берегов
И стебли черные сухих дубов.
От рудника вился желтея путь...
Как я желал скорей в себя вдохнуть
Прохладный воздух, вольный, как народ
Тех гор, куда сей узкий путь ведет.

Вожатому подарок я вручил,
Но, признаюсь, меня он удивил,
Когда не принял денег. Я не мог
Понять, зачем, и снова в кошелек
Не смел их положить... Его черты
(Развалины минувшей красоты,
Хоть не являли старости оне),
Казалось, знакомы были мне.

И подойдя, взяв за руку меня:
«Напрасно б, – он сказал, – скрывался я!
Так, Джулио пред вами, но не тот,
Кто по струям венецианских вод
В украшенной гондоле пролетал.
Я жил, я жил и много испытал;
Не для корысти я в стране чужой:
Могилы тьма сходна с моей душой,
В которой страсти, лета и мечты
Изрыли бездну вечной пустоты...

Но я молю вас только об одном,
Молю: возьмите этот свиток. В нем,
В нем мир всю жизнь души моей найдет —
И, может быть, он вас остережет!»
Тут скрылся быстро пасмурный чудаки.
И посмеялся я над ним; бедняк,
Я полагал, рассудок потеряв,
Не потерял еще свой пылкий нрав;
Но, пробегая свиток (видит бог),
Я много слез остановить не мог.

* * *

Есть край: его Италией зовут;
Как божьи птицы, мнится, там живут
Покойно, вольно и беспечно. И прошлец,
Германии иль Англии жилец,
Дивится часто счастью людей,
Скрывающих улыбкою очей
Безумный пыл и тайный яд страстей.
Вам, жителям холодной стороны,
Не перенять сей ложной тишины,
Хотя ни месть, ни ревность, ни любовь
Не могут в вас зажечь так сильно кровь.
Как в том, кто близ Неаполя рожден:

Для крайностей ваш дух не сотворен!..

Спокойны вы!.. на ваш унылый край

Навек я променял сей южный рай,

Где тополи, обвитые лозой,

Хотят шатер достигнуть голубой,

Где любят моря синие валы

Баюкать тень береговой скалы...

Вблизи Неаполя мой пышный дом

Белеется на берегу морском,

И вокруг него веселые сады;

Мосты, фонтаны, бюсты и пруды

Я не могу на память перечесть;

И там у вод, в лимонной роще, есть

Беседка; всех других она милей,

Однако вспомнить я боюсь об ней.

Она душистым запахом полна,

Уединенна и всегда темна.

Ах! здесь любовь моя погребена;

Здесь крест, нагнутый временем, торчит

Над холмиком, где Лоры труп сокрыт.

При верной помощи теней ночных,

Бывало, мы, укрывшись от родных,

Туманною озарены луной,

Спешили с ней туда рука с рукой;

И Лора, лютню взяв, певала мне...

Ее плечо горело как в огне,

Когда к нему я голову склонял

И пойманные кудри целовал...

Как гордо волновалась грудь твоя,

Коль очи в очи томно устремя,

Твой Джулио слова любви твердил;

Лукаво милый пальчик мне грозил,

Когда я, у твоих склоняясь ног,

Восторг в душе остановить не мог...

Случалось, после я любил сильнеей,

Чем в этот раз; но жалость лишь о сей

Любви живет, горит в груди моей.

Она прошла, таков судьбы закон,

Неумолим и непреклонен он,

Хотя щадит луны любезной свет,

Как памятник всего, чего уж нет.

О, тень священная! простишь ли ты

Тому, кто обманул твои мечты,

Кто обольстил невинную тебя

И навсегда оставил не скорбя?

Я страсть твою употребил во зло,

Но ты взгляни на бледное чело,

Которое изрыли не труды, —

На нем раскаянья и мук следы;
Взгляни на степь, куда я убежал,
На снежные вершины шведских скал,
На эту бездну смрадной темноты,
Где носятся, как дым, твои черты,
На ложе, где с рыданием, с тоской
Клянусь себя с минуты роковой...
И сжался, сжался, сжался надо мной!..

.....

.....

Когда мы женщину обманем, тайный страх
Живет для нас в младых ее очах;
Как в зеркале, вину во взоре том
Мы, различив, укор себе прочтем.
Вот отчего, оставя отчий дом,
Я поспешил, бессмысленный, бежать,
Чтоб где-нибудь рассеянье сыскать!
Но с Лорой я проститься захотел.
Я объявил, что мне в чужой предел
Отправиться на много должно лет,
Чтоб осмотреть великий божий свет.
«Зачем тебе! – воскликнула она, —
Что даст тебе чужая сторона,
Когда ты здесь не хочешь быть счастливым?..
Подумай, Джулио!» тут, взор склонив,

Она меня рукою обняла, —

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/mihail-lermontov/dzhyulio>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)